

Император был серьезно болен, Министерство ритуалов уже готовилось к его похоронам. Неожиданно Чу Чжэндэ изменил рецепт лекарства, и после того, как император выпил его, не прошло и двух дней, как его состояние улучшилось, и император очнулся.

Нынешний император правил без вины, но и без заслуг. Он находится на троне уже более 20 лет, но не добился больших достижений, но и не растратил семейное состояние. Он, в своей посредственной манере, охранял страну, оставленную его предками. Хотя он был подозрительным человеком, он был прилежен в государственных делах. Как только проснулся, император вызвал наследного принца, чтобы спросить его о ситуации при дворе во время его болезни.

Не было других заслуживающих внимания вопросов, только дело Гу Фучжоу был довольно хлопотным. Еще до того, как император проснулся, на Сяо Чэна уже оказали давление, заставив отозвать охрану отряда Тяньцзи рядом с Гу Фучжоу. Однако военные по-прежнему отказывались останавливаться. Узнав, что император проснулся, один за другим они подали доклады с просьбой об аудиенции.

Лежа на кровати дракона, император бросил доклад У Гогуня к ногам Сяо Чэна. «Посмотри, что ты наделал!»

«Я не вижу, что я сделал не так. — Сяо Чэн посмотрел вперед и упрямо сказал: — В Гу Фучжоу много подозрительного. Если мы не можем узнать правду, как мы можем позволить ему свободно разгуливать по столице? Отец, неужели вы действительно доверяете ему?»

Император сердито сказал: «Ты все еще не знаешь, что ты сделал не так!»

Сяо Чэн опустился на колени и сказал: «Я прошу отца-императора разъяснить мою ошибку».

«Ты... — Император покачал головой и вздохнул. — Ты еще слишком молод».

Когда дело доходило до подозрительности, император был ничуть не лучше Сяо Чэна. Но в любом случае, просидев на троне так долго, он хорошо разобрался в искусстве сдержек и противовесов. Во всем на первое место нужно ставить общий интерес. Да, Гу Фучжоу был действительно подозрительным, но им еще долго нельзя ссориться с ним. Хотя физически тот находился в столице, он оставался сердцем военных и трехсоттысячной армии в Юнляне. Кроме него, у Даюй не было другого Бога войны, который побеждал бы в каждой битве.

Даюй и Западное Ся воевали так много лет, что казна страны почти опустела, в бою погибло бесчисленное количество солдат. Перед лицом военных действий на северо-западе все остальное нужно отложить. Даже если в поведении Гу Фучжоу имеется много сомнительных моментов, пока он может выигрывать сражения, было не время выступать против него. Когда дела на северо-западе будут улажены, настанет время отомстить и предъявить ему все старые счета. Кто-то все еще боится, что не сможет осудить его?

Император видел людей насквозь. Он знал, что методы Сяо Чэна были жесткими, не желающими признавать поражение, надменными и высокомерными. Когда в будущем он взойдет на трон, он никогда не пойдет по пути мудрого монарха, убеждающего людей добродетелью и охотно принимающего хорошие советы. Даже если бы он мог строго править миром, как только Сяо Чэн потеряет сердца генералов, даже если бы у него были тысячи солдат, какая от них польза?

Болезнь императора уже истощила его морально и физически. Немного отругав Сяо Чэна, он снова почувствовал усталость и упадок духа. Он позвал: «Чэн-эр*».

[Примечание: Добавление «эр» к чьему-либо имени превращает его в интимную форму обращения, чаще всего используемую родителями со своими детьми.]

Глаза Сяо Чэна сузились. Он не мог вспомнить, когда император в последний раз называл его так.

Император сказал: «Тщательно подумай о сердцах людей. Других, а также своем».

Человеческое сердце было самой бесполезной вещью в мире. Сяо Чэн опустил голову и незаметно усмехнулся, сказав: «Отец-император, спасибо за ваше руководство».

Сюэ Ин сказал: «Ваше величество, генерал Гу здесь».

Император собрал всю свою силу воли, чтобы держаться, и сказал: «Впусти его. Чэн-эр, ты останешься. Ты присоединишься к Чжэню в умиротворении Гу Фучжоу».

Сяо Чэн глубоко вздохнул. «Да, отец».

Через некоторое время, следуя за евнухом, в зал вошел Гу Фучжоу. Высокий и величественный мужчина был одет в военную форму, за спиной у него был темно-красный плащ, все его тело излучало холод.

Гу Фучжоу уже собирался преклонить колени и отдать честь, когда император улыбнулся и сказал: «Айцину* не нужно быть таким вежливым. Сюэ Ин, уступи ему место».

[Примечание: 阿弟 / àiqīng. Дорогой подданный. Более интимный способ обращения императора к должностному лицу.]

Гу Фучжоу сказал: «Благодарю, Ваше величество».

Увидев улыбающееся лицо императора, Гу Фучжоу догадался о причине, по которой тот не позволил ему поговорить с Линь Цинью при свечах, а вызвал во дворец посреди ночи.

Император первым делом спросил о его здоровье. Узнав, что остаточный яд был удален, он казался еще более довольным. Затем он продолжил, упомянув об охранниках из отряда Тяньцзи, сказав, что первоначальным намерением наследного принца было защитить его. Кто бы мог подумать, что это вызовет недовольство военных?

«Это первый раз, когда наследный принц был назначен ответственным за страну. Неизбежно, что будет вопрос, к которому он отнесется небрежно. Теперь, когда вопрос решен, я надеюсь, что айцин успокоит военных офицеров».

Замечания императора звучали так, как будто он проявлял заботу о своем подданном, хотя на самом деле он защищал своего сына. У него не было выбора, кроме как признать, что с возрастом имбирь действительно становится острее*. Гу Фучжоу слегка кивнул, сдержанно говоря глубоким голосом: «Этот чиновник понимает».

[Примечание: 姜还是老的辣 / jiāng hái shì lǎo de là. Имбирь всё же старый острее; обр. пожилые имеют много опыта; ср. старый конь борозды не испортит.]

Император дважды кашлянул, взял чай, переданный Сяо Чэном, и сказал: «Кстати говоря, айцину уже тридцать».

«Этому чиновнику в этом году исполняется тридцать один год». У Гу Фучжоу было плохое предчувствие. Вообще говоря, после того, как человека спрашивают о возрасте, его обычно призывают к браку.

Император улыбнулся и сказал: «Ах, тридцать один. Когда я был в твоём возрасте, у меня уже было несколько принцев. Чжэнь удерживал тебя на северо-западе и откладывал твой брак».

Даже слова, которые он использовал, чтобы убедить его жениться, были ожидаемы. Гу Фучжоу сказал: «Ситуация на северо-западе нестабильна. Этот чиновник не собирается заниматься семейными делами».

«Ты не должен так говорить. Когда ты круглый год в военных кампаниях, дома никого не остается. — Император немного подумал и сказал: — Моя седьмая принцесса в расцвете юности. Что ты думаешь, айцин?»

Сяо Чэн быстро понял намерения императора. Обручение принцессы с Гу Фучжоу, во-первых, могло успокоить военных чиновников и дать им понять, что Даюй придает большое значение генералу Гу. Во-вторых, поставить рядом с Гу Фучжоу жену было гораздо полезнее, чем охранника.

Сяо Чэн с полуулыбкой сказал: «По правде говоря, седьмая сестра долгое время восхищалась генералом Гу. Она определенно не будет возражать против этого брака».

Гу Фучжоу категорически отказался. «Я ценю восхищение седьмой принцессы, но у этого чиновника уже есть кто-то, кто ему нравится».

«Скажи мне, кто эта молодая леди? Чжэнь может одобрить ваш брак».

...И вот мы, черт возьми, снова здесь. Если тебе так нравится раздавать браки, тогда перестань быть императором. Тебе следует сменить профессию и стать свахой.

Гу Фучжоу сказал: «Тогда у меня никого нет».

Сяо Чэн холодно сказал: «Гу Фучжоу, ты думаешь, это какой-то пустяк? Если ты говоришь, что есть, значит, есть, а если нет, значит, нет?»

«Наследный принц, — отругал император, затем он мягко сказал: — Поскольку никого нет, я устрою вам с седьмой принцессой встречу в другой день. Если вы двое не можете согласиться на брак, я попрошу императрицу позволить выбрать ту, которая понравится тебе среди благородных дам. Неважно, какая из них тебе понравится, я поддержу вас».

Гу Фучжоу собирался отказаться еще раз, но император кашлянул, не дав ему возможности заговорить. «Я устал. Айцин должен уйти».

Состояние императора изменилось к лучшему. После нескольких дней выздоровления он смог встать и сидеть. И все это благодаря Чу Чжэндэ. Император хотел щедро вознаградить его, но тот сказал императору, что не он готовил новый рецепт. Это было сделано императорским лекарем седьмого класса Линь Цинъюй.

Кажется, у императора осталось впечатление об этом имени, он спросил: «Это тот самый супруга-мужчина, который придумал рецепт от эпидемии?»

Чу Чжэндэ сказал: «Да, он».

Император так долго болел. Тот, кто смог его вылечить, должно быть, обладает редким талантом. Кого волнует, был ли он супругой-мужчиной или нет?

«Тогда передай мое слово. Линь Цинъюй будет повышен до императорского лекаря пятого класса».

В Даюй самой высокой должностью в Императорской лечебнице был Юань Пань пятого класса, за которым следовали помощник Юань Паня пятого класса и другие императорские лекари. Линь Цинъюй спас жизнь императору, и он сразу поднялся на три класса. Он уже был на равных с Чу Чжэндэ. Его официальная должность была эквивалентна должности старшего цензора Императорского цензората*.

[Примечание: 沈慶之 / yùshǐzhōngchéng. ист. 1) личный секретарь императора (с дин. Цинь и Хань) 2) старший цензор, начальник цензората (с вост. Хань). 御史台 / yùshǐtái. ист. цензорат (учреждён в 1268 г.)]

Когда Линь Циньюй отправился в спальню императора, чтобы поблагодарить его, императора сопровождал мужчина-прислужник. Юноше было всего шестнадцать или семнадцать лет, и он был стройным как женщина. Видя, как он сидит у ног императора, положив голову на колени императора, выглядя милым и хорошо воспитанным, казалось, что он больше похож на домашнее животное.

Когда император увидел Линь Циньюй, он заколебался: «Чжэнь... видел тебя раньше?» Если он видел такое лицо, как он мог совсем ничего не помнить о нем?

Линь Циньюй сказал: «Полгода назад этому чиновнику посчастливилось увидеть Его Величество».

Император долго смотрел на него и сказал: «С этого момента вы с Чу Чжэндэ вместе будете заботиться о здоровье Чжэнь».

Посещение императора означало, что ему придется каждый день ходить с Чу Чжэндэ, чтобы диагностировать пульс императора, проводить иглоукалывание и выписывать рецепты. Он фактически стал частью ближайшего окружения императора. Но когда он подумал о взгляде императора, Линь Циньюй пожалел, чтобы Чу Чжэндэ просто не присвоил себе заслугу. Жаль, что, хотя политические взгляды старого чудака отличались от его, Чу Чжэндэ был очень принципиальным человеком и брезговал приписывать себе заслуги молодого поколения.

В конце дневной смены Линь Циньюй вышел из Императорской лечебницы и увидел стоящего у стены дворца Гу Фучжоу. Он скрестил руки на груди и думал неизвестно о чем с мрачным лицом и опущенной головой.

«Генерал».

Гу Фучжоу выпрямился и улыбнулся. «Императорский лекарь Линь».

Линь Циньюй спросил: «Почему генерал здесь?»

«Императрица пригласила меня во дворец, чтобы полюбоваться цветами. После любования я решил зайти в Императорскую лечебницу, чтобы забрать Императорского лекаря Линь с работы».

Почему императрица вдруг пригласила Гу Фучжоу полюбоваться цветами? В последний раз, когда она приглашала кого-то полюбоваться цветами, это было во время выбора наложницы для Сяо Чэна.

Двое помахали евнуху, который провожал их. Они пошли туда, где больше никого не было. Гу Фучжоу колебался: «Цинюй».

«Что?»

Гу Фучжоу глубоко вздохнул и тихо спросил: «Ты не хотел бы жениться на мне?»

Линь Цинюй замер. «Что?»

Гу Фучжоу сложил руки и поднес их ко лбу. «Пожалуйста, окажи мне эту услугу. Возьми меня в жены».

Линь Цинюй посмотрел на него, размышляя. Без малейших колебаний он сказал: «Нет».

Гу Фучжоу уже догадался, что Линь Цинюй откажется, но все еще был в замешательстве и, не желая сдаваться, спросил: «Почему нет?»

Линь Цинюй был совершенно сбит с толку. «Почему я должен жениться на тебе?»

Гу Фучжоу пытался промыть ему мозги. «Однажды я взял тебя в жены. Разве ты не хочешь сейчас взять меня в жены и вернуть себе достоинство мужчины?»

«Точно не хочу».

Гу Фучжоу, казалось, надел маску страдания. «Но если ты не женишься на мне, император собирает снова женить меня».

Линь Цинюй нахмурился. «Опять? Новая свадьба?»

Гу Фучжоу сказал Линь Цинюй, что император хочет обручить его с седьмой принцессой. Оказалось, что устроенное сегодня императрицей любование цветами было свиданием между генералом и седьмой принцессой.

Линь Цинюй улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

«Разве это не хорошо? Ты не гей, то есть тебе нравятся женщины. У седьмой принцессы лицо цветка, подобное луне, она нежная и заботливая. Золотые ветви и нефритовые листья*, более чем достаточно для тебя».

[Примечание: 金枝玉叶 / jīnzhī yù. Золотые ветви и яшмовые листья; обр. члены императорской фамилии, люди аристократического происхождения, голубая кровь.]

«Ни за что. — Гу Фучжоу торжественно сказал: — На самом деле мне всего восемнадцать лет. У меня на родине мужчины не могут жениться, пока им не исполнится по крайней мере двадцать два года».

«Если это так, почему ты хочешь выйти замуж за меня?»

Гу Фучжоу улыбнулся и сказал: «Если это ты, то даже ранний брак и ранние роды — ничто, просто пусть закон накажет меня, я не против».

Выражение лица Линь Циньюй стало довольно неловким. Гу Фучжоу тут же взобрался на шест*, говоря: «Императорский лекарь Линь, подумайте об этом. Если ты возьмешь в жены Бога войны, это заставит всех вокруг уважать тебя, разве нет?»

[Примечание: Чтобы угодить воле мастера (в данном случае ЛЦЮ) в надежде получить что-то (в основном славу и статус)]

«Нет, я не женюсь на тебе, — холодно сказал Линь Циньюй. — Генерал Гу уже мертв, его душа отправилась неизвестно куда. Ты занял его тело. Отказ от продолжения его славы как Бога войны уже достаточно плох. Теперь ты хочешь, чтобы ему пришлось носить титул „супруги-мужчины“?»

«У меня тоже нет особого выбора. — Гу Фучжоу настолько отчаялся, что даже использовал абсурдные аргументы: — Ты спас Императора. Теперь он навязывает мне брак. Ты должен нести за меня ответственность».

Линь Циньюй усмехнулся. «Я не могу поверить, что у тебя хватает наглости сказать это. Если бы я не спас Императора и не позволил Сяо Чэну беспрепятственно взойти на трон, то сейчас твоя ситуация могла бы быть еще печальней».

Гу Фучжоу вздохнул. «Хорошо, тогда иди и занимайся своими делами. Не беспокойся обо мне, я больше не буду тебя беспокоить. Все в порядке, я могу найти способ решить это. Я очень хорош».

Линь Циньюй нахмурился. «Не мог бы ты не использовать лицо генерала Гу, чтобы делать такое жалкое выражение? Когда мужчина выходит замуж, его также заставляют накраситься, надеть головной убор невесты и покрывало с кисточками. Если бы ты все еще был Лу Ваньчэном, все было бы хорошо. Но теперь ты — Гу Фучжоу. Если на лицо генерала Гу нанести макияж, рисуя хуадянь между бровями... — Линь Циньюй представил себе эту сцену, и уголки его рта слегка дернулись. — Боюсь, что как только я приподниму покрывало, то не переживу такого кошмарного зрелища».

Гу Фучжоу был поражен. Он никогда не думал, что Линь Циньюй отвергнет его не потому, что он «не гей», или потому, что «женитьба двух мужчин была против Воли Небес», или потому, что «жена должна быть добродетельным человеком, а ты слишком ленив», или любые другие

подобные разумные возражения. Линь Цинюй отказывался потому что... думал, что с телом генерала в свадебном наряде с хуадянь на лбу он будет выглядеть уродливо?

Гу Фучжоу смаковал слова Линь Цинюй и осторожно спросил: «Ты не хочешь брать жену, но готов ли ты... снова выйти замуж?»

Линь Цинюй выглядел задумчивым. «Возможно, есть другие способы».

Гу Фучжоу встретил его взгляд, в котором скрывалось волнение. Он знал, что этот великолепный красавец снова собирается сделать что-то плохое.

Линь Цинюй сказал: «Сегодня вечером приходи ко мне домой».

<http://bllate.org/book/15122/1336674>